

Воспитание военного и политического лидера в древнегреческих и древнеримских реалиях: версии Ксенофонта и Цицерона

Ветошкина М.К.

Формирование и развитие лидерских качеств и их значимость для профессионального роста человека только кажутся трендами современности. Поиск оптимальных стратегий и техник, помогающих лидеру управлять людьми как продуктивной командой единомышленников, занимал античных наставников разных исторических периодов. Вопрос о том, кого было можно назвать лидером, никогда не имел однозначного ответа, но поиск удовлетворяющих окружающим реалиям ответов был связан, прежде всего, с военно-политической сферой. В качестве лидера мог выступать талантливый полководец или успешный политик высокого ранга, но никак не искусный врач или экстраординарный наставник вроде Сократа. Лидеры среди представителей тех или иных профессий или философских школ, безусловно, существовали, но речь шла, скорее, об авторитетности, нежели о лидерстве в смысле привлечения внимания масс и умения управлять ими.

Сочинения античных авторов, прямо или косвенно затрагивающих темы воспитания политического и военного лидера, образуют очень обширный и разнородный корпус текстов. Древнегреческие и древнеримские представления на этот счет существенно отличались. Сопоставление этих представлений с целью поиска уникального и универсального является областью, где сосуществует множество часто противоположных исследовательских интерпретаций. В рамках данной статьи нами будут сопоставлены сочинения двух античных авторов, разделенных существенной хронологической дистанцией: древнегреческого полководца и писателя Ксенофонта Афинского (ок. 430 — после 355 до н.э.) и древнеримского политика и оратора Марка Туллия Цицерона (106 до н.э. — 43 до н.э.). Для Ксенофонта, принимавшего непосредственное участие в военных операциях крупнейших политических лидеров своего времени, как и для Цицерона, опосредованно участвовавшего в военных кампа-

ниях под предводительством Цезаря и его приближенных, вопросы воспитания в условиях войны и мира являлись центральными.

Ксенофонт и Цицерон в своих сочинениях не раз обращались к образам великих полководцев и политиков с педагогическим умыслом для демонстрации соотечественникам их незаурядности. Они не просто изображали, но и разъясняли, что именно помогало или мешало этим доблестным мужам стать идеальными, с точки зрения Ксенофонта и Цицерона, лидерами. Будучи представителями сложных и противоречивых эпох, Ксенофонт и Цицерон сложили в своих сочинениях модели воспитания военного и политического лидера, способного выступать наставником для своего народа и, в случае необходимости, защищать его интересы с оружием в руках. Их оригинальные педагогические идеи рассредоточены по трудам различной проблематики, которые при параллельном прочтении демонстрируют особенности эволюции античной концепции воспитания политического и военного лидерства¹. Л. Штраус указывает на то, что Ксенофонт и Цицерон имеют много больше общего, чем нам кажется: «...в рукописях его сочинений автор обычно обозначается словами «оратор Ксенофонт». Есть все основания полагать, что временный закат Ксенофонта, точно так же как и временный закат Тита Ливия и Цицерона, объясняется утраченным пониманием значения риторики...»². По мнению Л. Штрауса, просветителям последующих эпох просто не удалось справиться с диалогами Ксенофота и Цицерона, должным образом оценив их наследие.

Государство для Ксенофонта, как и для Цицерона, есть нечто большее, чем система правления и географическое положение, размеры и богатство, законы и ресурсы. Ксенофонт идеализирует воспитание политического лидера и настаивает, что в цепочке «идеальное государство — идеальный правитель — идеальные граждане» важнейшим является центральное звено. Цицерон, напротив, отдает предпочтение первому звену, утверждая, что государство прирастает гражданами, воспитание которых является гарантом стабильности для правителя.

¹ См.: Пичугина В.К., Ветошкина М.К. Оценка педагогического учения Ксенофонта Афинского в сочинениях Цицерона // Генезис педагогической мысли и педагогической практики в истории человеческой культуры (материалы к учебному курсу): учеб. пособие. — М.: АСОУ, 2016. — С. 35–41; Пичугина В.К., Ветошкина М.К. Педагогическая концепция военно-политического лидерства: от Ксенофонта к Цицерону // Историко-педагогический журнал, 2017. — № 2. — С. 196–204.

² Штраус Л. О тирании. — СПб.: Изд-во СПбУ, 2006. — С. 68–69.

Для Ксенофонта общественным строем, максимально соответствующим «пайдонической» (воспитательной) функции, было аристократическое правление. Положение человека с такими взглядами в Афинах после свержения Тридцати тиранов было достаточно шатким, и Ксенофонт был вынужден покинуть Афины и выступить в качестве греческого наемника на стороне спартанцев. «Прямой переход к спартанцам превратил бы Ксенофонта в государственного изменника», а поступление на службу к союзнику Спарты Киру открывало широкие перспективы для человека с аристократическими манерами и хорошей физической подготовкой¹. Приняв многие идеи Сократа, Ксенофонт занял особую позицию по отношению к ремеслу наемников, одним из которых он вынужденно стал². Этот вид деятельности, за выполнение которого была гарантирована плата, не только не казался ему постыдным, но и рассматривался как особый путь к добродетели. Однако некоторый сарказм относительно материального подкрепления этого пути у Ксенофонта все же присутствует, когда он говорит об иерархии «командующий-подчиненный»: «Люди с особой готовностью повинуются тому, кого считают разумнее себя в делах, где речь идет о их собственной выгоде» (Xen. Суг. I.6.22)³.

В сочинениях на разные темы Ксенофонт излагал современный ему опыт комплектования армии, во главе которой должен стоять главнокомандующий-наставник, заботящийся о своих подчиненных и приучающий их делать это самостоятельно. Центральной фигурой для Ксенофонта выступает Кир Младший — сын персидского царя Дария II и предводитель армии греческих наемников, осуществивших масштабную военную операцию. Желая завладеть короной своего брата Артаксеркса, Кир призвал на службу значительное число наемников как знатного, так и незнатного происхождения. По свидетельству Ксенофонта, большая часть греков в войске Кира, поступили к нему на службу не из бедности; это были и молодые люди, бежавшие из-под опеки родителей, и зрелые мужчины, которые надеялись в непродолжительном походе приобрести славу

¹ Лурье С.Я. История Греции. — СПб.: СПбУ, 1993. — С. 633.

² Причины возникновения и широкого распространения института наемников лежали далеко за пределами сферы образования, однако оказали на нее влияние. См.: Пичугина В.К., Ветошкина М.К. Воспитание воина в моральном климате памяти: педагогика «заботы о себе» Ксенофонта Афинского // Воспитываться в моральном климате памяти семьи. Альманах Родительского университета. — М., Планета, 2016. — Вып.5. — С. 14–21.

³ Ксенофонт. Киропедия / подг. В. Г. Боруховичем, Э. Д. Фроловым. — М.: Наука, 1976. — С. 31.

и несметные богатства (Xen.Anab.I.1.6–11)¹. Ксенофонт рассказывает об отборе амбициозных наемников для реализации еще более амбициозного проекта, предлагая читателю инструкцию по найму, обучению и мотивации военной силы. Наемники были для Ксенофонта армией доблестных воинов, которые объединены общей целью и ведомы тем, кто может вселять надежду и уверенность в их сердца (Xen.Anab. III.I.73). Добродетель воина-наемника казалась Ксенофону чем-то само собой разумеющимся, необходимой и очевидной скрепой современной его армии. Относительно добродетели военного лидера Ксенофонт не так категоричен, поскольку «амбициозные и хорошо продуманные планы даже самых добродетельных и знающих лидеров» в реальной жизни часто сталкиваются с «хаотичным миром политики» и их необходимо менять по обстоятельствам².

Ксенофонта восхищают знатные воины-персы, которые забывали обо всем в бою в едином порыве: «...они снимали с себя пурпурные одеяния, бросались вперед, иногда даже с обрыва, в болото, в реку или иную преграду, словно они состязались в беге и наравне со всеми выполняли все грязные и трудные работы» (Xen.Anab.I. 5.8)³. Не меньше восхищал Ксенофонта и сам Кир, который дает войску мудрые советы, заботится о союзниках и единомышленниках, регулярно выступая перед войском наемников с нравоучительными речами. Армия персов, как казалось Ксенофону, устроена очень разумно. Поскольку правителям и полководцам право управлять войском принадлежит с рождения, то и распределение командных должностей все воины считают справедливым: «Ещё в детском возрасте они обучаются как повелевать, так и повиноваться» (Xen. Anab.I.9.4)⁴. Наемник же является тем, кому право управлять приходит не по рождению, а по радению. Став образцовым воином, проявив высокую доблесть и завоевав уважение сослуживцев, наемник может стать во главе подразделения. В ситуациях, когда подразделение наемников остается без военачальника, они вправе предложить военачальникам предводителя из числа воинов. Ксенофонт предлагает две индивидуальные траектории «заботы о себе» — для

¹ Ксенофонт. Анабазис / пер. М. Максимовой // Ксенофонт. Анабазис. Греческая история. — М.: Ладомир, 1994. — С. 4.

² Wridden C. The Account of Persia and Cyrus's Persian Education in Xenophon's «Cyropaedia» // The Review of Politics, 2007. — Vol. 69. — No. 4. — P. 541.

³ Ксенофонт. Анабазис / пер. М. Максимовой // Ксенофонт. Анабазис. Греческая история. — М.: Ладомир, 1994. — С. 23.

⁴ Там же. С. 35.

управляющих и управляемых — которые позволяют обоим благодаря (само)воспитанию стать прекрасными военачальниками.

Детальное описание перемещений и многочисленных трудностей, которые пришлось перенести воинам, Ксенофонт дает в «Анабазисе», где предлагает уже не теорию, а практику военно-политического лидерства. «Анабазис» (или «Отступление десяти тысяч») повествует о том, как наемные войска Кира путешествовали под его руководством и без него, движимые памятью о своем великом командире. Реальные исторические события подтверждают высокий профессионализм нанятых Киrom войск: его греческие наемники одержали верх над спешно собранными войсками Артаксеркса, и только смерть Кира вынудила их отступить, превратив громкую победу в поражение.

Согласно Ксенофону, достойное жалование, хорошее питание и обмундирование, устроенный походный быт и возможность реализовать свои амбиции — это далеко не полный перечень параметров, который влияет на мотивацию потенциального наемника. Большое значение имеет кодекс прав и обязанностей, который должен быть не просто задекларирован, а являться основой всех действий командующих и подчиненных. В «Воспитании Кира» приведена речь Кира перед новобранцами, где он обещает заботиться о них, а в ответ просит их заботиться о его победах. Для достижения поставленных целей во главе каждого наемного подразделения на начальном этапе ставят наставника из числа военных регулярной армии. Ксенофонт четко обособляет эту группу и подчеркивает, что жалование им платится за то, чтобы они справедливо управляли новичками и приучали их к доблестным поступкам: «Привилегией таких наставников было, прежде всего, уважение со стороны подчиненных. Именно такие чувства должны воодушевлять воинов, от которых ждут, что полученное ими воспитание окажется сильнее страха, внушаемого врагом» (Хен.Сур.III.3.53)¹. Кир Ксенофонта — идеальный главнокомандующий, которому удалось сформировать армию, установив разумный баланс между заботой о себе и заботой о других (о здоровье и обеспечении своих воинов, имуществе и жизни побежденных, поддержании уважительных и политически перспективных отношений с единомышленниками).

Показательно, что Ксенофонт рисует портреты менее великих и от того еще более поучительных примеров военного управления,

¹ Ксенофонт. Киропедия / подг. В. Г. Боруховичем, Э. Д. Фроловым. — М.: Наука, 1976. — С. 78.

представляя жизнеописание людей, волею судеб оказавшихся наемниками у Кира Младшего. Одни из них были друзьями Ксенофонта, другие сослуживцами, как, например, Клеарх — спартанский полководец-изгнанник, бежавший к Киру Младшему и инициировавший набор наемников для него. Клеарх, приняв командование над почти тринадцатью тысячами греческих наемных воинов, в 401 г. до н.э. выступил с ними в поход вместе с армией Кира. В своём «Анабазисе» Ксенофонт даёт характеристику Клеарха как полководца: «Клеарх, по общему мнению всех лично его знавших, был человек не только искусный в воинском деле, но и в высшей степени воинственный... имея возможность жить мирно, не унижаясь и ничего не теряя, он предпочитает вести войну; вместо того чтобы предаться праздности, он трудится и спокойному наслаждению богатством предпочитает трату денег на военные цели» (Xen. Anab. II.VI)¹. Чуть далее Ксенофонт пишет о Клеархе, что он всей душой любил войну и опасность. С одной стороны, его воины видели, что он никогда не терялся в битвах, но с другой — при любой возможности они уходили от него к другому командиру, поскольку Клеарх «всегда был сердит и суров, и солдаты чувствовали себя перед ним, как дети перед учителем» (Xen. Anab. II.VI)². Ксенофонт считает основной ошибкой Клеарха, так и не ставшего истинным наставником для своих солдат, то, что он не смог привить солдатам желание следовать за ним из дружбы или уважительного расположения.

Еще одним поучительным примером был Проксен-Беотиец, который с детских лет мечтал стать «человеком, способным на великие дела» (Xen. Anab. II.VI)³. Он присоединяется к наемной армии Кира, желая прославиться, получить большое влияние и разбогатеть. Ксенофонт пишет о том, что Проксен-Беотиец слишком сосредоточился на этих желаниях, а потому не смог управлять «честными и доблестными людьми». Считая себя хорошим военачальником, он слишком боялся, что солдаты возненавидят его за жесткость и не сумел внушить им ни почтительности, ни страха. Менон-фессалиец, как пишет Ксенофонт, действовал почти также, «считал, что самый краткий путь к намеченной цели вёл через клятвопреступление, ложь и обман, а любовь к правде приличествовали глупцам» (Xen. Anab. II.VI)⁴.

¹ Ксенофонт. Анабазис / пер. М. Максимовой // Ксенофонт. Анабазис. Греческая история. — М.: Ладомир, 1994. — С. 63.

² Там же. С. 64.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 65–66.

Менон-фессалиец считал благочестие и праведность уделом слабых, а потому являл собой пример недостойного командира.

Ксенофонт подчеркивает, что для поддержания дееспособности армии необходимо установить правила и законы, согласно которым доблестные награждаются почетом, а трусы наказываются позором. Тем, кто во время переходов и битв совершал что-либо выдающееся, полагалась награда. Это правило распространялось как на военачальников, так и на целые подразделения и отдельных воинов. Наказание, как и поощрение, являлись для адресатов воспитательной мерой, направленной к «его же собственной пользе» (Хен. Анаб. V. 8.18)¹. В «Анабазисе» Ксенофонт обозначил свое педагогическое кредо: воспитание является силой, способной сплотить греческие полисы, балансирующие между войной и миром. Это сплочение виделось ему процессом, подобным сплочению воинов, воодушевленных своим командиром. Греция представлялась Ксенофонту армией доблестных воинов, которые объединены общей целью и ведомы тем, кто может вселять надежду и уверенность в их сердца (Хен. Анаб. III. I. 73). По мнению Ксенофонта, командующий в некотором смысле должен был выступать для подчиненных в качестве наставника, затрагивая нужные для военного дела стороны души, укрепляя веру в себя, обращая к чувству долга и чести.

Отметим, что в труде «Агесилай» Ксенофонт наделяет царя Спарты теми же качествами, которые были присущи Киру, акцентируя внимание как на его умении проявлять заботу о воинах, пленных и их детях, так и на умении проявлять заботу о самом себе через других. Ксенофонт рисует образ Агесилая по контуру Кира, позволяя читателю узнать в нем черты разных исторических личностей, продолжающих заботиться о себе и других под тяжестью власти. Прорисовку этого контура Ксенофонт осуществляет, постоянно обращаясь к особенностям формирования и функционирования наемной армии. И за этим скрупулезным сопоставлением афинской пайдеи с персидской, а затем спартанской, проявляется стремление Ксенофонта сначала преподнести, а потом закрепить для афинян урок, что существуют иные воспитательные стратегии, позволяющие ничуть не хуже творить себя по образу и подобию лучших из лучших.

В «О дивинации» Цицерон так пишет о нем: «Ксенофонт, ученик Сократа (какой это был великий человек!), в том походе, который он совершил с Киrom младшим, записывал свои сны и удивительные события, подтверждавшие эти сны. Можно ли сказать, что

---

¹ Там же. С. 156.

Ксенофонт обманывал или сошел с ума?» (Cic. Div. I.XXV)¹. Эта характеристика, где «удивительным событием» назван знаменитый поход десяти тысяч греческих наемников, позволяет судить о глубоким знании Цицероном не только творческого, но и жизненного пути Ксенофонта. Обращаясь к своим читателям, Цицерон часто дает очень эмоциональную оценку наследию Ксенофонта: «Книги Ксенофонта весьма полезны во многих отношениях; пожалуйста, читайте их внимательно...» (Cic. Sen. XVII.59)². Степень восхищения Цицерона настолько велика, что он не пренебрегает даже текстуальными заимствованиями из сочинений Ксенофонта. Цицерона привлекает стремление Ксенофонта рассматривать ключевые темы через призму сопряжения политической и педагогической власти, которое возникает когда правитель, подобный Киру или Агесилаю, видит себя наставником для поданных.

Парадоксальным является то, что Кир и Агесилай отождествляют собой режим правления наименее симпатичный Цицерону и совершенно не приемлемый в окружающих его политических реалиях. В «О государстве» Цицерон совершенно четко пишет об этом: «Поэтому хотя знаменитый перс Кир и был справедливейшим и мудрейшим царем, все же к такому «достоянию народа» (а это, как я уже говорил, и есть государство), видимо, не стоило особенно стремиться, так как государство управлялось мановением и властью одного человека» (Cic. R.p. I.XXVII.43)³. Почему же Цицерон так настойчиво обращается к фигуре Кира в интерпретации Ксенофонта? Ответ на этот вопрос, как нам кажется, заключен в самом сочинении «Воспитание Кира», где главный герой пытается установить причинно-следственные связи между многочисленными военными победами и многолетним стабильным правлением. Ксенофонт в «Воспитании Кира», говоря об идеальном монархе, акцентирует внимание на врожденных и приобретенных «лучших качествах» правителя: умеренность, справедливость, дальновидность, предусмотрительность, честность, работоспособность и выносливость, и, конечно же, отсутствие каких бы то ни было пороков. Цицерон парирует и утверждает, что так не бывает в реальной жизни: монархия обречена на недолговечность и непрочность, так

¹ Цицерон. О дивинации // Цицерон. Философские трактаты. — М.: Наука, 1985. — С. 211.

² Цицерон. О старости // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М.: Наука, 1974. — С. 22.

³ Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. — М.: Наука, 1966. — С. 22.

как зависит от личностных качеств правителя. Цицерона не просто нельзя назвать человеком, который был поверхностно знаком с «Воспитанием Кира»; он, скорее, был тем, для кого это сочинение было определяющим при формировании политических взглядов и стремлений.

Именно этим опытом он и хочет поделиться с братом, когда пишет ему в письме начала 59 г. до н.э. о том, что сочинение Ксенофонта «Воспитание Кира» написано не с целью дать исторически верную картину, а с целью дать представление о справедливой, заботливой и умеренной власти (Cic. Q. fr. I.1. VIII.23). В письме конца 59 г. до н.э. Цицерон снова возвращается к этой теме и пишет брату: «Но при этом мне больно, что те, кого я назвал, не превосходя тебя честностью, превосходят умением приобретать расположение, — а они ведь не знают ни о Кире Ксенофонта, ни об Агесилае, о царях, от которых, при всей их великой власти, никто никогда не услышал ни одного резкого слова» (Cic. Q. fr. I.2. II.7)¹. Далее он констатирует, что данные им наставления, несомненно, помогли Квинту во время его правления в Азии, а теперь, при отъезде, ему нужно постараться оставить самое приятное воспоминание о себе. Цицерон предлагает брату вдохновляться примером Кира и Агесилая, жизнеописания которых столь детально представлены у Ксенофонта. Он наставляет Квинта в том, что ему следует походить на Кира и Агесилая и управлять монархически, поскольку он находится за пределами Рима, на подконтрольной территории. Этот режим кажется ему вполне уместным во внешней, а не во внутренней политике.

Попытка коллегиального правления, которая была предпринята в окружении Кира, не могла остаться незамеченной для Цицерона, который постоянно повторяет Квинту, что любое правление требует опоры на друзей, близких и единомышленников. У Ксенофонта приближенные Кира, действуют из дружеских к нему чувств, потому что видят в нем не только правителя по праву рождения, но и мудрого наставника по собственному стремлению. Кир в изображении Ксенофонта кажется Цицерону достойным подражания для многочисленных римских «военных губернаторов», одним из которых и был его брат Квент. В «Об обязанностях» Цицерон лишь выделяет тех, кто способен занимать эту должность: «Но те, кого природа наделила способностями к деятельности, должны, отбросив всякую медлительность, занимать магистратуры и вершить делами государства; ведь иначе невозможно ни управлять государством, ни

---

¹ Там же. С. 142.

проявить величие духа» (Cic. Off. I.XXI)¹. В частной же переписке, он сообщает, что должность римского «военного губернатора» является не столько общественной, сколько глубоко личной заботой о себе и других, вмененной образованному человеку.

Кажется, что Ксенофонт предлагает, а Цицерон полностью поддерживает практику заботы о себе и других, которую должен реализовывать справедливый правитель, который не упивается и не тяготится своей властью. Практика такого рода кажется им обоим необходимым условием для целенаправленного процесса (само)воспитания политического и военного лидеров. Однако в сочинении «О старости», где Цицерон представляет последовательную оценку разных сочинений Ксенофонта, он открыто оспаривает многие выказанные Ксенофонтом педагогические идеи. Сначала Цицерон снова обращается к образу Кира, который был дан Ксенофонтом: «Впрочем, упадок сил сам по себе вызывается пороками молодости чаще, чем недугами старости... У Ксенофонта Кир, тогда уже очень старый, перед смертью сказал, что он никогда не чувствовал, чтобы он в старости стал более слаб, чем был в молодости» (Cic. Sen. IX.29–30)².

Немного дальше Цицерон анализирует «Домострой» Ксенофонта и, высоко оценив эту книгу «об управлении имуществом», поясняет, что в ней содержатся удивительные педагогические находки. Сократ рассказывает Критобулу, что интерес к земледелию является интересом, достойным царя, и приводит в пример Кира Младшего, который собственноручно размечал землю и сажал деревья (Cic. Sen. XVII.59). Эти усердные занятия, как подчеркивает Цицерон, являлись для Кира не просто увлекательным времяпрепровождением, а элементом его самовоспитательной программы, на которую следует обратить внимание. Затем Цицерон упоминает о Кире Старшем и по Ксенофону приводит цитату из его предсмертной речи, обращенной к сыновьям: «Ведь вы, пока я был с вами, души моей не видели, но на основании моих деяний понимали, что она пребывает в моем теле; так верьте же, что она — та же, хотя видеть ее вы не будете» (Cic. Sen. XXII.79)³. Это утверждение кажется Цицерону спорным, но, оттолкнувшись от него, он предлагает обратиться к прошлому своего государства и подумать над тем, что есть достойно прожитая жизнь.

¹ Цицерон. Об обязанностях // Цицерон. Философские трактаты. Об обязанностях. — М.: Наука, 1985. — С. 72

² Цицерон. О старости // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М.: Наука, 1974. — С. 14.

³ Там же. С. 29.

Кир Младший привлекает Ксенофонта, поскольку через его жизнеописание можно преподать урок грекам, у которых никогда не было такого правителя-наставника: «Считая Кира человеком, заслуживающим восхищения более, чем кто-либо другой, мы тщательно исследовали, какого он был происхождения, каковы были его природные дарования, что за воспитание получил этот муж, достигший таких вершин власти над людьми» (Хен. Суг. I.1.6)¹. Цицерон подчеркнул, что «Воспитание Кира» было написано не с целью дать исторически верную картину, а с целью дать представление о справедливой, заботливой и умеренной власти, у которой строгость сочетается с добротой (Сис. Q.fr. I.1. VIII.23). В ряде сочинений и писем Цицерон говорит о том, что идеальное государство возникает только когда правители являются воспитательным примером для граждан, что и показано в «Воспитании Кира». Начав с того, что Киrom следует восхищаться, Ксенофонт продолжает тем, что Кира нужно бояться: «Он смог завладеть огромными пространствами земли благодаря страху, который испытывали перед ним... Покоренным народам Кир сумел внушить такое сильное желание угождать ему, что они постоянно стремились только к одному — навсегда остаться под его властью» (Хен. Суг. I.1.5). Описание империи Кира, скрепленной страхом и угодничеством выглядит, по меньшей мере, странно. Однако Ксенофонт дает понять, что внушение страха — это необходимый элемент жесткого захвата власти, а ее удержание, напротив, требует мягкого наставления граждан в желании всегда находиться под этой властью. Ксенофонт здесь повторяет логику Гомера, который, описывая Одиссея, предлагал простую формулу идеального царя: «Праведно властвует он, и его благоденствуют люди» (Ном.19.110)².

Цицерон формулирует понимание идеального политического лидера близкое, но не тождественное пониманию Ксенофонта: «великому человеку, умеренному по природе и образованному наукой и изучением высоких искусств, следует посвятить себя такой власти, чтобы те, над кем он поставлен, не желали ли бы никакой другой власти»³. На первый взгляд, нежелание «никакой другой власти» у Ксенофонта продиктовано страхом, а у Цицерона — уважением перед величием правителя. Однако Ксенофонт утверждал,

¹ Ксенофонт. Киропедия / подг. В. Г. Боруховичем, Э.Д. Фроловым. М.: Наука, 1976. — С. 6.

² Гомер. Илиада. Одиссея / пер. Н. Гнедича. М.: Худ. лит., 1967. — С. 642.

³ Батлук, О. В. Философия образования в Древнем Риме: дис. ... канд. филос. наук. М., 2001. — С. 77.

что только подвластные Киру опасались его подкрепленных образованием лидерских качеств. Приближенные Кира и близкие ему по силе фигуры (к которым, судя по всему, Ксенофонт относил и себя) не боялись, а восхищались им. На то самое «равенство равных», которое изо всех сил стараются сохранить превосходящие над равными, Ксенофонт предлагает посмотреть с двух сторон: со стороны тех, кто лишен власти, и тех, кто ею обладает. У Цицерона акценты расставлены мягче; не оспаривая разницу между одними и другими, он не так четко говорит о жесткости любой власти.

Во многом это обусловлено тем, что устройство политических институтов и комплектация армии времен Цицерона имела существенные отличия от наемной армии, во главе которой стоял политик-полководец Ксенофонт, несмотря на то, что институт наемничества продолжал существовать. Будущие древнеримские римские полководцы и правители не имели опыта и знаний в начале своего профессионального пути, но они извлекали чрезвычайную выгоду из коллективной мудрости профессиональной незлиты, прежде всего, от центурионов. Каждый римский легион имел приблизительно шестьдесят центурионов (римский эквивалент сегодняшней команды военачальников). Центурионы были профессионалами с большим военным опытом. В сражениях они вели боевые действия с фронта, что делало их подчиненных легкими мишенями для врага, выступающего, в броне и во всеоружии. Амбициозный молодой римлянин из богатой и знатной семьи общался с центурионами, но становиться им не желал. Скорее он, как правило, начинал карьеру военного в более высоком звании, как трибун. У каждого легиона было шесть военных трибунов (вбрыннах или назначенных), которые служили непосредственно командующими. Не каждый римский юноше искал карьеру военного, поскольку мог сделать карьеру через так называемую «лестницу командиров» — серию выборных должностей, достигающих высшей точки в должности консула (подтверждением чему и является карьера Цицерона). Военные командиры представляли собой «важную карту» в политической игре римлян-политиков, но не все они искали политической власти и карьерного роста. Многие из них были подлинными военными и старались дослужиться до должности судьи¹. Многие высокопоставленные римляне-политики могли содержать свою военизиро-

---

¹ Например, главные судьи — два консула, каждый исполнял обязанности в течение одного года и командовал двумя легионами (приблизительно десять тысяч человек), чтобы использовать их при необходимости.

ванную команду. Это была любопытная комбинация строгих правил и неофициальных процедур, поскольку римский режим поручал командование легионами экс-судьям и сенаторам.

Мудрые полководцы обучали свои войска прежде, чем рискнуть проверить их в сражении. Одним из самых великих древнеримских полководцев и политиков был Публий Корнелий Сципион, позже известный как Сципион Африканский («человек с царственной душой»), возможный победитель Ганнибала. Цицерон делает Сципиона одним из героев своих сочинений. Как Кир и Агеселай для Ксенофонта, Сципион для Цицерона является образцом воспитывающим соотечественников примером. Главным для Сципиона было поддержание морального духа воинов. Если воины терпели поражение, он не упрекал их, а находил примеры из истории, когда были поиграны битвы, но выиграны войны. Он часто обращался к чувствам солдат к их убитым полководцам, которые давали толчок к поднятию боевого духа, а также всегда подвергал тренировкам армию, чтобы в бездействии не терять навыки и умения боевых действий. Сципион никогда не шел в бой, не узнав досконально своего врага, его сильные и слабые стороны. В Испании в 209 до н.э. при подготовке к битве с карфагенянами Сципион разработал следующий план относительно тренировки его подчиненных. В первый день он приказал, чтобы воины немедленно пошли тридцать стадий в полном вооружении; на второй день — все вооружение исследовалось, ремонтировалось и начищалось; на третий — отдых и ничегонеделание; на четвертый — борьба-соревнование воинов, одни из которых были с деревянными мечами покрытыми кожей, а другие — с копьями с зачехленными концами; на пятый — то же само, что в первый день и так далее. Цезарь также обучал своих воинов и тоже тщательно и систематично. Во время его войн в Галлии в 50-х до н.э., каждый раз, когда враг был рядом, он вменял строжайшую дисциплину, включая дополнительные длинные марши и ночные маневры во время дождя и на отдыхе.

Цицерон четко понимал, что Сципион служил Республике искренне, в то время как Цезарь пришел, чтобы уничтожить ее. Идеальное государство для Цицерона было именно «Римом Сципиона»¹, который много сделал для Римской республики, но не смог предотвратить ее падения. Военные победы Сципиона способство-

---

¹ Maass R.W. Political Society and Cicero's Ideal State // Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History, 2012. — Vol.45. — Iss. 2. — P. 79.

вали тому, что Рим вышел из состояния постоянной войны, однако при этом пошатнулись основы римской добродетели, которая всегда связывалась с военными победами¹. Цезарь своим примером лишь в очередной раз продемонстрировал опасности военной славы и побед, во главе которых стоит полководец, пренебрегающий функциями наставника для своих воинов. Империя продемонстрировала культурное величие, но старый идеал гражданина-солдата, который возвращается домой и помогает управлять содружеством наций на форуме, прекратило быть действительностью для всех, кроме молодых и амбициозных юношей из богатых и знатных семей. Когда Рим потерял республику, его правители потеряли возможность своими подвигами возвыситься до правителя-наставника, а его граждане — возможность стать истинными военными и политическими лидерами.

Выход из кризиса, в котором оказалось государство, Цицерон видел в осторожной интеграции греческой философской добродетели с военной римской добродетелью. В «Тускуланских беседах» Цицерон ссылается на то, что Сципион Африканский никогда не выпускал из рук книг Ксенофонта и считал, что это чтение для солдата просто трудно, а для полководца одновременно трудно и почетно (Cic. Tusc. II.XXVI.62). Столь настойчивое обращение внимания на необходимость чтения Ксенофонта связана с тем, что Цицерон не просто интересуется его оригинальным педагогическим учением, а старается поставить его на службу воспитания соотечественников.

Цицерон причислял Сципиона к мужам, едва ли решившимся «совершать столь великие деяния, — которые могли бы вызывать воспоминания у потомков, если бы мужи эти не сознавали, что потомки будут способны к таким, воспоминаниям» (Cic. Sen. XXIII, 82)². Многочисленные источники подтверждают, что Сципион был хорошо знаком с сочинениями Ксенофонта. В «Тускуланских беседах» Цицерон так пишет об этом: «Сципион Африканский никогда не выпускал из рук сократика Ксенофонта, особенно хваля в нем ту мысль, что для полководца и солдата одни и те же труды тяжелы по-разному — полководцу они легче, потому что ему за них выше честь» (Cic. Tusc. II.XXVI.62)³. Здесь Цицерон указывает на конкрет-

¹ Barlow J.J. The Education of Statesmen in Cicero's «De Republica» // Polity: Palgrave Macmillan Journals, 1987. — Vol.19. — Iss. 3. — P. 359.

² Цицерон. О старости // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / пер. В.О. Горенштейна. М.: Наука, 1974. — С. 29.

³ Цицерон. Тускуланские беседы // Цицерон. Избранные сочинения / сост. и ред. М. Гаспарова, С. Ошерова, В. Смирнова. М.: Худ. лит., 1975. — С. 268.

ный отрывок из сочинения Ксенофонта «Воспитание Кира», которое представляло собой одновременно «биографию Кира Великого, историю начала Персидской империи, роман, военное руководство, политическое руководство управления империи, дидактическую работу по этике, морали и образованию»¹. В заинтересовавшем Цицерона отрывке маленький Кир задает отцу вопрос, верно ли, что полководец должен быть сильнее всех своих воинов. Отец отвечает: «Ты должен знать, что полководец и рядовой воин, обладая одинаковой силой, по-разному сделают одно и то же дело. Сознание уважения, оказываемого ему, а также то, что на него обращены взоры всех воинов, значительно облегчают полководцу даже самый тяжелый труд» (Хен. Суг. I.6.25)². В этом утверждении перед читателем, действительно, «сократик Ксенофонт», полностью разделяющий опасную идею Сократа о том, что полис основан не на «равенстве равных», а на том, что одни становятся «равнее других» благодаря образованию. Неравенство такого рода является движущей силой развития государства, поскольку выделившиеся из массы управляют этой массой, изо всех сил сохраняя «равенство равных». Ксенофонт добавляет к этому то, что их труд облегчает осознание своего лидирующего положения. Физическая сила дополняется духовной силой: признанному другими всегда легче признавать правильность расходования своих сил. Военное лидерство, согласно Ксенофону, в обязательном порядке давало политическое превосходство.

Ксенофонт и Цицерон, по сути, говорят об одном и том же: важно не то, что образование и власть делают нас другими, а то, как мы демонстрируем образование и власть другим. Подвластные Киру, также как и подвластные Сципиону, должны были принять идеал суровой, но справедливой власти, которая была добыта и удержана благодаря образованию. В диалоге Цицерона «О государстве» Сципион обсуждает насущные вопросы со своим другом, интеллектуалом и политиком Гаем Лелием и его друзьями и родственниками. Цицерон определяет собеседников Сципиона как «образованных молодых людей в возрасте квесториев» (Сис. Р.р. I.XII.18)³. Сципион представлен не столько талантливым политиком, сколько наставником: он «инструктирует молодых людей своего круга в искусстве

¹ Gera D.L. The Dialogues of The Cyropaedia. Oxford: Trinity Term, 1987. — V. 1. — P. 1.

² Ксенофонт. Киропедия / подг. В. Г. Боруховичем, Э.Д. Фроловым. М.: Наука, 1976. — С. 32.

³ Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. — М.: Наука, 1966. — С. 13.

сохранения хороших законов и изменения плохих законов в лучшую сторону»¹. Когда один из собеседников просит Сципиона пояснить явление на небе двух солнц, Лелий своеобразно упрекает его в этом странном желании: «Разве мы уже изучили все то, что относится к нашим домашним делам и к государству, и потому хотим знать, что происходит на небе?»². Цицерон строит диалог таким образом, чтобы продемонстрировать свое желание вернуть философов с небес на землю и утвердить философию как основу политики. Структура диалога «О государстве» напоминает диалоги Ксенофонта, главным героем которых являлся Сократ, также стремящийся «заземлить философию», сделав ее полезной для города. Традиционный способ чтения диалогов Цицерона с целью выяснить, «кто из персонажей представляет собственные убеждения Цицерона»³, в этом случае не совсем подходит. Намного важнее концепция диалога, которая демонстрирует желание Цицерона через Сципиона взять на себя роль Сократа и наставлять своих читателей — тех самых будущих политических лидеров «в возрасте квесториев».

Диалоги Сципиона и Лелия у Цицерона часто напоминают диалоги Сократа и Критобула у Ксенофонта в «Домострое». Разговаривая с Критобулом, Сократ поясняет необходимость обучения ведению домашнего хозяйства, указывая на практическую пользу для города, которая приходит вместе со знанием. За многими описаниями просматриваются политические образы, и отдельно взятое домохозяйство предстает как уменьшенная модель города. По Ксенофону, мудрость главы семьи, политического или военного лидера может быть одновременно и врожденным даром, который следует развивать, и качеством, которое можно сформировать практически с нуля. То, что Цицерон не желает повторять логику Ксенофонта, становится ясно, когда Лелий просит пояснить различие между одним властителем и группой властвующих. В ответ Сципион говорит, что в «городском доме» все точно так же, как и в доме самого Лелия, где тот призывал рабов слушаться только одного человека — «управителя». Сципион резюмирует все это так: «Тогда почему ты не соглашаешься на это же в делах государственных — что владычество отдельных лиц, если только они люди справедливые, и есть

¹ Barlow J.J. The Education of Statesmen in Cicero's «De Republica» // Polity: Palgrave Macmillan Journals, 1987. — Vol.19. — Iss. 3. — P. 353.

² Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. — М.: Наука, 1966. — С. 14.

³ Barlow J.J. The Education of Statesmen in Cicero's «De Republica» // Polity: Palgrave Macmillan Journals, 1987. — Vol.19. — Iss. 3. — P. 356.

наилучшее государственное устройство?» (Cic. R.p. I.XXXIX.61)¹. Ксенофонт, рассуждая о наилучшем стиле управления домовладением, говорит о необходимости делегирования властных полномочий, а Цицерон — об узурпировании. Борющийся за практическую философию Сократ в изображении Ксенофонта существенно отличается от Сократа в лице Сципиона, которого Цицерон использует для утверждения совершенной иной педагогической концепции политического лидерства. Объединяющим является то, что Цицерон, как и Ксенофонт, не противопоставляет частную жизнь политической. Стабильность в отдельно взятом доме или во всем государстве рассматривается ими, в том числе, как результат педагогического действия и последствия. Сократу Ксенофонта и Сократу-Сципиону Цицерона важно, чтобы главы домохозяйств и потенциальные политические лидеры пришли к ответу на вопрос «что есть лучший политический режим?» через вопрос «что есть справедливость?». Это дает им возможность стать наставниками себе и другим, значительно упрочив свои лидерские позиции.

Несмотря на то, что политические пристрастия Цицерона противоречили учению Ксенофонта о (само)воспитании правителя, которому власть дана по праву рождения, это учение оценивалась им очень высоко. Необходимость заботы о себе через образование, на которой так настаивал Ксенофонт, рассматривалась Цицероном как способ обрести, а не потерять себя в городе, живущем активной политической жизнью. Цицерон старался доказать своим близким и современникам, что даже если Афины его время уже не те, что были при Ксенофонте, педагогические учения «великих и славных» греков имеют право на второе рождение в Римской Империи.

Угроза превращения армии греческих наемников в сборище жаждающих славы и наживы казалась Ксенофонту одним из самых страшных вызовов современных ему реалий. На тех же позициях стоял и Цицерон, беспокоящийся о том, что привыкшие побеждать римляне часто предпочитают жестокость милосердию. Цицерон не так часто обращается к особенностям формирования и функционирования наемной армии, которая также составляла основу современной ему римской армии и была сильно зависима от своих предводителей. Успешные военные кампании не воспринимаются им как единственный залог политической стабильности. Однако он соглашается с Ксенофонтом, что наемные воины должны быть

---

¹ Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. — М.: Наука, 1966. — С. 29.

натренированы не только на то, чтобы противостоять врагам, но и чтобы побеждать свои слабости и пороки.

Рассуждая в «О государстве» об истории Рима, Цицерон говорит, что в былые времена государственными делами с согласия народа занимались «храбрейшие мужи», известные многочисленными военными победами (Cic. R.p. II.XXXII.56). Современный Рим силен тем, что ведет «справедливые войны», где нет места самоуправству полководцев и наемников. Если у Ксенофонта война является необходимым атрибутом политики, то у Цицерона все не так однозначно. В «О государстве» Сципион говорит, что «каждое государство таково, каковы характер и воля того, кто им правит» (Cic. R.p. I.XXXI.47)¹. Сохранность прав граждан для Цицерона является наилучшим положением, которого можно достичь; положением, которое находится над «делами войны и мира».

Ксенофонт и Цицерон не всегда явно, но демонстрируют читателю уроки, которые он мог бы извлечь из жизнеописаний «великих и славных» военных и политических лидеров, стремящихся своими мудрыми делами улучшить общество. Педагогическая концепция военно-политического лидерства претерпевает существенные изменения на хронологической дистанции от Ксенофонта к Цицерону, поскольку государства, в котором воспитываются лидеры у Ксенофонта и у Цицерона, существенно отличались. Ксенофонт сосредотачивается на описании в своих сочинениях рекомендаций по воспитанию воина-наемника, который должен быть физически и умственно развит, искусен в воинских науках, дисциплинирован и обучаем, а главное — обладать моральными качествами, отличающими именно профессионального воина. Очерчивая спектр забот воина, Ксенофонт убеждает в том, что доблестными они должны становиться не только в бою, а оставаться и в будущем. Цицерона больше интересует правитель-наставник, который не всегда пришел к власти через карьеру военного. Но ему близко педагогическое кредо Ксенофонта, считавшего образование силой, позволяющей достигать лидерства на полях сражений и в политических баталиях. Сплочение граждан под началом талантливого политика виделось Цицерону, как и Ксенофонту, процессом, подобным сплочению воинов, воодушевленных своим командиром. Для Ксенофонта воспитательным примером для соотечественников выступает Кир, а для Цицерона — Сципион. Рисую их образы, Ксенофонту и Цицерону

---

¹ Ксенофонт. Киропедия / подг. В. Г. Боруховичем, Э. Д. Фроловым. — М.: Наука, 1976. — С. 23.

удается явить уникальное сочетание воинской доблести и гражданской добродетели.

Если для Ксенофонта политический лидер *обязан* быть военным, то для Цицерона он *вынужден* быть таковым. Оттолкнувшись от идеи Сократа о политике, который в силу высокого уровня нравственности должен быть воспитательным образцом для союзников и соперников, Ксенофонт и Цицерон по-разному ее трансформировали и иллюстрировали примерами «великих и славных» лидеров. Особенности жизненного пути обусловили то, что Ксенофонт в большей степени тяготел к описанию практики военно-политического лидерства, а Цицерон к теоретическим исканиям в этой области. Авторы последующих эпох обращались к их сочинениям, определяя их уникальными источниками по античному воспитанию патриотизма в условиях войны и мира. Особенности жизненного пути обусловили то, что Ксенофонт в большей степени тяготел к описанию практики военно-политического лидерства, а Цицерон — к теоретическим исканиям в этой области. Авторы последующих эпох обращались к их сочинениям, определяя их уникальными источниками по античному воспитанию патриотизма в условиях войны и мира.